

П.Я. ФЕЛЬДМАН

К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПРОТЕСТНОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТЬЮ

***Аннотация.** В настоящей статье осуществляется политологический анализ и оценка эффективности так называемого «умного голосования», которое представляет собой специфическую технологию мобилизации и консолидации протестного электората в Интернете. Автор приходит к выводу о том, что данная технология не сыграла заметной роли в ходе региональных электоральных кампаний 2019 года, за исключением выборов в Московскую городскую думу 7-го созыва, где ее применение послужило одним из факторов успешного выступления оппозиционных кандидатов. Проведенный анализ подтвердил безосновательность гипертрофированных представлений об эффективности «умного голосования» и его влиянии на электоральные процессы. Напротив, практический опыт использования данной технологии свидетельствует о ее концептуальном несовершенстве. Тем не менее, существуют веские основания полагать, что на выборах в Государственную Думу 2021 года она будет применена вновь.*

***Ключевые слова:** выборы, «умное голосование», протестное электоральное поведение, Московская городская дума, Единый день голосования, электоральные технологии, оппозиция.*

ON ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE MODERN NETWORK TECHNOLOGIES OF THE PROTEST ELECTORAL ACTIVITY MANAGEMENT

***Abstract.** This article carries out political analysis and evaluates the effectiveness of the so-called “smart voting”, which is a specific technology for mobilizing and consolidating the protest electorate on the Internet. The author concludes that this technology did not play a significant role during the regional electoral campaigns of 2019, with the exception of the elections to the Moscow City Duma of the 7th convocation, where its use was one of the factors for the successful performance of opposition candidates. The analysis confirmed the groundlessness of hypertrophied ideas about the effectiveness of “smart voting” and its effect on electoral processes. On the contrary, the practical experience of using this technology indicates its conceptual imperfection. Nevertheless, there are good reasons to believe that it will be applied again in the State Duma elections of 2021.*

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов, г. Москва

Keywords: *elections, “smart voting”, protest electoral behavior, Moscow City Duma, Single Voting Day, electoral technology, opposition.*

Стремительная эволюция политико-коммуникативных практик, обусловленная широким внедрением цифровых технологий во многие сферы общественной жизни, оказывает все более ощутимое влияние на институт выборов. Появление электронных площадок для горизонтального обмена информацией, а также неуклонный рост числа пользователей Интернета, способствуют трансформации сложившихся в России моделей электорального поведения граждан. В частности, с каждым годом увеличивается агитационно-пропагандистский потенциал социальных сетей, тогда как соответствующие возможности прессы и телевидения уменьшаются пропорционально сокращению их аудитории. Виртуализация электорального дискурса дает благодатную почву для использования представителями оппозиции неконвенциональных механизмов управления поведением избирателей. В научной литературе и средствах массовой информации ведется бурная дискуссия о степени влияния подобных технологий на исход региональных выборов, состоявшихся в Единый день голосования 2019 года. Представляется необходимым осуществить политологический анализ количественных и качественных показателей эффективности информационной кампании, в рамках которой представители несистемной оппозиции попытались консолидировать идеологически разрозненные группы протестного электората на почве антиэлитаристских настроений. Заметим, что для достижения вышеуказанной цели были задействованы преимущественно виртуальные каналы коммуникации.

Попытки создания разного рода «координационных советов оппозиции» и выдвижения от их имени «единых кандидатов» на выборы всех уровней неоднократно предпринимались в России после 2011 года. Однако всякий раз подобные инициативы завершались провалом: носители левой идеологии категорически отвергали альянс с либералами, лидеры парламентских партий демонстрировали нежелание сотрудничать с представителями несистемной оппозиции, а последние не могли договориться между собой из-за чрезмерных властных амбиций и личной неприязни. Стремясь преодолеть указанные проблемы, в декабре 2018 года оппозиционер А. Навальный анонсировал старт проекта «умное голосование». Для участия в данном проекте пользователям необходимо было зарегистрироваться на соответствующем интернет-портале, указав свои персональные данные (в том числе адрес проживания). Инициатор проекта пообещал непосредственно в Единый день голосования сообщить им имена оппозиционных политиков, обладающих наиболее высокими шансами на победу в рамках конкретных избирательных округов. Подобная технология должна была предотвратить рассредоточение голосов между 3–4 кандидатами, позиционирующими себя как «противники действующей власти». Важно подчеркнуть, что внедрение

«умного голосования» осуществлялось без согласования с другими оппозиционными силами. Впоследствии представители партий КПРФ, «Яблоко» и «Справедливая Россия», ставшие депутатами Московской городской думы 7-го созыва, неоднократно заявляли, что они не просили указанного политика о поддержке и не связаны с ним какими-либо взаимными обязательствами.

Выборы, состоявшиеся в Единый день голосования 2019 года, представили возможность эмпирического изучения избирательных технологий, примененных несистемной оппозицией. В связи с этим автор настоящей статьи ставит перед собой несколько задач: во-первых, изучить политическую природу «умного голосования» и проследить его взаимосвязь с известными науке формами протестного электорального поведения; во-вторых, оценить эффективность применения данной технологии на выборах в Московскую городскую думу; в-третьих, проанализировать перспективы дальнейшего использования «умного голосования» в ходе федеральных и региональных электоральных кампаний.

Приступая к проведению настоящего исследования, необходимо отметить, что сама формулировка «умное голосование», предложенная авторами проекта, представляется не вполне корректной ввиду своей явной тенденциозности. Подобную форму волеизъявления граждан уместнее было бы охарактеризовать как «скоординированное голосование» или «электоральный сговор». Однако, в целях унификации понятийно-категориального аппарата мы будем использовать оригинальную формулировку, ставшую привычной для отечественного общественно-политического дискурса.

«Умное голосование» как специфический способ волеизъявления избирателей вписывается в систему имеющихся в политической науке теоретических представлений о протестном электоральном поведении. По мнению российского исследователя И.В. Гудкова, данный тип электорального поведения характерен, преимущественно, для хорошо образованных жителей крупных городов, которые придерживаются стратегии «легитимного инакомыслия», не приемлют политического давления, испытывают сочувствие к слабым кандидатам, предпочитают когнитивный опыт поведенческому и критически относятся к официальной пропаганде [1]. С практической точки зрения, протестное электоральное поведение может принимать следующие формы:

1. *Уклонение от голосования (абсентеизм)*. Отсутствие устойчивых политических пристрастий, слабый интерес к политике (особенно на региональном и локальном уровнях), разочарование в институте выборов — все эти причины снижают мотивацию граждан приходить на избирательные участки. Однако, как справедливо отмечает М.А. Аль-Дайни, электоральный абсентеизм может быть проявлением протестного политического поведения [2]. В данном контексте имеет место своеобразный «бойкот» или «забастовка» избирателей, когда отказ от участия в голосовании принимает форму политического манифеста. Осознанный и демонстративный абсентеизм, как правило, возникает вследствие недопуска до выборов представителей

оппозиции и являет собой попытку поставить под сомнение легитимность электоральных практик.

2. Протестное голосование. Для совокупности моделей электорального поведения, относящихся к данной категории, объединяющим признаком выступает стремление граждан выразить свое негативное отношение к власти посредством института выборов. Более того, по мнению западных исследователей Д. Кзелмана и Э. Неоу, неудовлетворенные избиратели зачастую намеренно голосуют против симпатичных им кандидатов, дабы таким образом простимулировать их к профессиональному самосовершенствованию [3]. Конвенциональным примером подобного поведения является голосование «против всех», когда соответствующая графа наличествует в бюллетене. При отсутствии данной графы протестное волеизъявление становится более вариативным. Так, американские авторы Р.М. Альварес, Д.Р. Кивье и Л. Нуньес считают порчу или уничтожение бюллетеней одной из наиболее типичных форм протестного электорального поведения. Аналогичную природу имеет набирающее популярность в западных странах антиэлитаристское голосование (*anti-establishment vote*), наиболее яркие примеры которого были продемонстрированы на выборах президента США (2016) и Украины (2019) [4;5]. В данном случае, по мнению С. Бирш и Д. Дэниссона, имеет место «неудовлетворенность традиционными политическими вариантами» [6, с. 110]. Указанные авторы объясняют это явление идеологическими причинами, растущим недоверием к элитам, а также целенаправленной агитационно-пропагандистской деятельностью антисистемных кандидатов. Голосование против представителей истеблишмента может выражаться в таких формах, как:

- поддержка любого кандидата, кроме провластного фаворита (данный метод особенно эффективен на выборах, где для победы в первом туре требуется набрать более 50% голосов);
- заведомая поддержка слабого или «обиженного» властью претендента из побуждений сочувствия;
- иррациональное голосование по случайному принципу;
- осознанное голосование за наиболее сильного (известного) из альтернативных кандидатов (именно этот принцип лежит в основе «умного голосования»).

3. Постэлекторальное протестное поведение. Предполагает демонстративное выражение гражданами непризнания легитимности состоявшихся выборов. Проявляется, как правило, в форме обструкции победивших кандидатов в виртуальном пространстве, акций политического неповиновения и даже попыток силового захвата власти. Наиболее масштабные постэлекторальные протесты имели место в России после выборов в Государственную Думу 2011 года. С определенной долей условности их результатом может считаться либерализация избирательного законодательства. В 2004 году подобные события на Украине привели к отмене результатов президентских

выборов и вошли в историю как «оранжевая революция». Следует отметить, что инспирирование постэлекторальных протестов нередко становится инструментом ведения «гибридной войны».

По совокупности признаков «скоординированное» или «умное» голосование может быть отнесено к разновидностям протестного электорального поведения. Полагаем, что для его успешной реализации необходимо соблюдение определенных условий:

1. Отрицательная мотивация, причиной которой могут служить относительная депривация и фрустрация; неудовлетворенность граждан материальными условиями существования и уровнем соблюдения их прав; усталость от власти; недоверие к государственным институтам; устойчивая неприязнь к политическим элитам.

2. Наличие современных информационно-технологических ресурсов (доступа к Интернету, мобильной связи, смартфонов, мессенджеров, социальных сетей и т.д.), позволяющих координировать протестное голосование большого количества граждан. История знает многочисленные примеры «электоральных сговоров», когда участники выборов специально оказывали поддержку противникам кандидата-фаворита, чтобы не допустить его до власти. Подобная ситуация неоднократно складывалась на выборах консулов Римской республики или при проведении конклавов католической церковью. Однако во всех подобных случаях количество участников голосования (сенаторов, кардиналов, делегатов, выборщиков и т.д.) оставалось сравнительно незначительным, что позволяло им, физически находясь в одном пространстве, согласовывать свои действия друг с другом. В масштабах города, региона или страны, когда речь идет о сотнях тысяч избирателей, только Интернет может обеспечить их горизонтальную коммуникацию и нивелировать фактор географической разобщенности. Таким образом, сама возможность внедрения «умного голосования» на выборах национального и регионального уровней возникла сравнительно недавно. Кроме того, помимо наличия технического доступа к Глобальной сети, требуется достаточное количество людей, обладающих материальными возможностями, желанием и навыками для использования современных информационно-коммуникационных технологий (данный критерий напрямую связан с такими социально-демографическими характеристиками потенциальных избирателей, как возраст, уровень образования, география проживания).

3. Наличие единого координирующего центра — оппозиционного лидера мнений, чей авторитет признается большинством участников протестного голосования. В свою очередь, данный лидер должен обладать доступом к средствам массовой информации и коммуникации для того, чтобы в нужный момент сообщить аудитории имена кандидатов, которых следует поддержать.

4. Присутствие в избирательном бюллетене политиков, которые воспринимаются в качестве альтернативных или оппозиционных по отношению к условным «кандидатам от власти».

5. Способность организаторов «умного голосования» сформулировать четкие и понятные электорату критерии, которые бы позволяли идентифицировать представителей оппозиции, потенциально готовых составить наиболее сильную конкуренцию «кандидатам от власти».

В пользу гипотетической эффективности вышеописанной технологии, с точки зрения ее разработчиков, свидетельствует успешный опыт протестного голосования на выборах, где кандидату для победы в первом туре необходимо набрать более половины голосов. Как правило, при отсутствии явных фаворитов в подобном случае ни одному из претендентов не удается преодолеть пятидесятипроцентный барьер, а во втором туре консолидация недовольного электората вокруг представителя оппозиции способствует победе последнего. Авторы концепции «умного голосования» утверждают, что на выборах в региональные органы законодательной власти Российской Федерации, где победитель определяется по принципу относительного большинства, без особых затруднений можно идентифицировать так называемого «кандидата от власти», ассоциирующегося с правящей партией, региональной администрацией, крупным бизнесом или федеральным центром. Конкуренцию ему составляют системные оппозиционеры в лице представителей парламентских и непарламентских партий, а также самовыдвиженцы, чьи политические взгляды варьируются от лоялистских до весьма радикальных. Нередко оппозиционные кандидаты, баллотирующиеся в одномандатных округах, по совокупности получают более половины голосов избирателей, однако предпочтения граждан распределяются между ними относительно равномерно. Как следствие, «кандидат от власти», обладающий не столь обширным, но устойчивым и хорошо мобилизованным электоратом, одерживает победу. При этом имеет место своеобразный парадокс: оппозиционно настроенное большинство проигрывает лояльному меньшинству ввиду своей идеологической разобщенности и низкого уровня электоральной самоорганизации. Вполне закономерно возникает вопрос: можно ли консолидировать протестное голосование идеологически разрозненных граждан, заставив их на время забыть о межпартийных разногласиях? Иными словами, необходимо оценить возможность координации электорального поведения оппозиционно настроенных избирателей.

Прежде всего, следует установить, имелись ли осенью 2019 года объективные предпосылки для протестного электорального поведения, и какой масштаб оно, гипотетически, могло принять. На протяжении последних пяти лет констатируется тенденция к снижению реальных доходов граждан, однако, по данным Фонда «Общественное мнение», в III квартале 2019 года лишь 28 процентов россиян однозначно оценивали свое материальное положение как «плохое»¹. Разумеется, социально-экономические показатели, характеризующие уровень жизни населения страны, существенным образом

¹ Официальный сайт Фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://fom.ru/Ekonomika/14233> (дата обращения 15.01.2020).

варьировались в зависимости от региональной специфики. Наиболее благоприятная социально-экономическая ситуация имела место в Москве, где средняя заработная плата на тот момент составляла более 90 тыс. рублей (почти в 2 раза больше, чем аналогичный показатель по стране). При этом в масштабах России Левада центр отмечал рост социальной напряженности и «повышение общей тревожности» населения². Впрочем, подобное психологическое состояние граждан обуславливалось не только внутренними экономическими проблемами, но и обострением внешних угроз для национальной безопасности Российской Федерации.

Результаты мониторинга протестной активности в регионах позволяют утверждать, что неудовлетворенность граждан социально-экономическими условиями своего существования не перерастает в протестное политическое поведение. Наиболее масштабные конфликты между властью и гражданским обществом, как правило, возникают из-за локальных проблем, связанных с негативной экологической ситуацией на местах, природными катаклизмами, межконфессиональными и межэтническими противоречиями. Данные конфликты никоим образом не связаны между собой, а их участники не солидаризируются в масштабах страны и не выдвигают общих политических требований. В рейтинге протестной активности регионов, выпускаемом АНО «Институт региональной экспертизы», лишь 8 из 85 субъектов Российской Федерации стабильно оставались в «красной» зоне на протяжении всего 2019 года (в их числе г. Москва). Столичные протесты, развернувшиеся в преддверии единого дня голосования, явили собой крайне редкий в масштабах страны пример *политических* акций и не перекинулись на другие регионы. Регионы восприняли их достаточно индифферентно. Совокупность вышеуказанных обстоятельств свидетельствует, что к моменту проведения Единого дня голосования 2019 года политические предпосылки для протестной электоральной активности имелись только в столице. В других же субъектах Российской Федерации ключевой формой выражения гражданского недовольства стал *абсентеизм*. Вероятно, данная тенденция имеет долгосрочный характер.

За последние несколько лет существенно выросла доля россиян, потенциально готовых к использованию современных информационно-коммуникационных технологий политического участия. Так, к 2019 году аудитория интернет-пользователей в России среди населения старше 16 лет составила 90 миллионов человек и достигла отметки 75,4 процента. Наиболее ярко проявляется тенденция к увеличению числа граждан, посещающих глобальную сеть с мобильных устройств (61%)³.

Столь глубокий уровень проникновения Интернета в общество позволяет сделать вывод о наличии информационно-технологической инфраструкту-

² Официальный сайт Левада-центра [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/09/06/trevozhashhie-problemy/> (дата обращения 15.01.2020).

³ Исследование GfK: Проникновение Интернета в России [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii/> (дата обращения 15.09.2019).

ры, потенциально позволяющей координировать электоральное поведение граждан при помощи средств массовой коммуникации. Сказанное не означает, что российские интернет-пользователи были широко осведомлены об «умном голосовании» и в массовом порядке планировали принять участие в нем осенью 2019 года. В частности, от подобных проектов аудиторию может отвлечь необходимость персонифицированной регистрации, предполагающая добровольную передачу личных данных структурам, законопослушность и добросовестность которых вызывают сомнение. В целом же уровень доверия пользователей к Интернету как источнику политической информации остается сравнительно невысоким, поскольку сообщения, циркулирующие в Глобальной сети, зачастую противоречат друг другу или оказываются «фейковыми новостями».

В контексте настоящего исследования необходимо также установить, существуют ли в современной России политические силы, потенциально способные осуществлять координацию протестного голосования. В 2019 году данную функцию попытался взять на себя А. Навальный. Будучи одним из лидеров несистемной оппозиции, он использует Интернет как главное средство коммуникации со своей целевой аудиторией. На его персональный аккаунт на популярном видеохостинге YouTube подписано около 3 млн человек и еще миллион — на его информационный канал.

Наиболее популярные разоблачительные ролики, размещаемые на соответствующих ресурсах в период предвыборной кампании 2019 года, собирали от 1,5 до 2,5 млн просмотров. В социальной сети «В контакте» аудитория оппозиционера и аффилированных с ним структур не превышает 450 тыс. человек, в Facebook — 500 тыс., в Instagram — 950 тыс. Подобные показатели смотрятся достаточно скромно на фоне других отечественных блогеров. Так, на страницу поэта, композитора и исполнителя собственных песен С. Шнурова в социальной сети Instagram подписано более 5 млн человек, а на аккаунт известной певицы и телеведущей О. Бузовой — около 16 млн. При этом далеко не все посетители интернет-ресурсов оппозиционера обладают в России активным избирательным правом, поскольку среди них достаточно много русскоязычных граждан западных стран и несовершеннолетних лиц. Принимая во внимание тот факт, что более 65 процентов подписчиков его Instagram-аккаунта проживают на территории Москвы, можно сделать предположение, что российская аудитория вышеупомянутого политика локализована, главным образом, в столичном регионе. Жители других субъектов Российской Федерации в подавляющем большинстве индифферентны или резистентны к потоку информации, исходящей от него.

Существенный всплеск общественного внимания к деятельности Навального и его политических союзников пришелся на июль–август 2019 года, что объясняется их непосредственным участием в организации протестных акций на Проспекте академика Сахарова и Бульварном кольце Москвы. Популяризации данных акций, а следовательно и «умного голосования»,

способствовали некоторые «медийные личности» (блогер Ю. Дудь, телеведущий Л. Парфенов, писатель Л. Улицкая, рэп-исполнители Oxxxymiron и Face, молодежная группа IC3PEAK), а также средства массовой информации («Эхо Москвы», «Радио Свобода», «Голос Америки», Русская служба BBC, канал «Дождь», «Meduza» и др.). Вышеупомянутые СМИ пользуются популярностью, преимущественно, у либерально ориентированной части протестного электората, значительная доля которого сосредоточена в столице. Кроме того, сервисы Google, Facebook и YouTube даже в день тишины (7 сентября 2019 г.) занимались рекламой «умного голосования» в Интернете, что послужило основанием для выдвижения обвинений со стороны Роскомнадзора в их адрес. Имеющиеся в открытом доступе данные не позволяют с точностью оценить агитационно-пропагандистские возможности Навального, тем не менее, в столичном регионе он обладает определенным мобилизационным потенциалом для того, чтобы в той или иной степени оказывать влияние на результаты московских выборов.

Наиболее уязвимым местом его политического проекта стала его идейно-концептуальная составляющая. В целом, он «уловил» общемировой антиэлитаристский тренд, суть которого сводится к своеобразному «электоральному восстанию масс», когда граждане используют институт выборов для сведения счетов с властью и ее отдельными представителями. Однако организаторам «умного голосования» так и не удалось выработать четкие принципы для разграничения оппозиционных и провластных кандидатов в депутаты Мосгордумы. Формулировки «технический кандидат от мэрии», «замаскированный единоросс», «псевдообщественник» использовались Навальным весьма произвольно. Так, например, в 5-м избирательном округе он первоначально призывал поддержать представителя партии «Справедливая Россия» К. Доможирову, а кандидата от КПРФ А. Удальцову (супругу координатора «Левого фронта» С. Удальцова) обозначил идентификатором «активно сотрудничает с Администрацией президента Российской Федерации»⁴, но непосредственно перед Единым днем голосования передумал и принял решение поддержать Удальцову, которая по итогам выборов уступила победу популярному телеведущему Р. Бабаяну.

Весьма показателен и другой пример: Е. Боровик, выдвинувшийся в 43 округе от партии Справедливая Россия, подал иск о защите чести и достоинства к А. Навальному за то, что последний причислил его к кандидатам от мэрии и «Единой России». Сам Боровик усмотрел в этом попытку мести и шантажа со стороны организаторов «умного голосования». Благодаря этим и другим прецедентам даже у оппозиционно настроенных избирателей могли возникнуть сомнения в бескорыстности информационной поддержки, оказанной со стороны Навального тем или иным кандидатам.

⁴ ФБК отомстил Удальцову за «врага России Навального», записав его жену в единороссы [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://riafan.ru/1208504-fbk-otomstil-udalcovu-za-navalnogo-pripisav-ego-zhene-svyazi-s-edinorossami> (дата обращения 15.09.2019).

В некоторых округах представители оппозиции публично поддержали политики, не допущенные Московской городской избирательной комиссией до выборов. 7 из 9 таких кандидатов добились побед. Парадоксальный, на первый взгляд, случай произошел в 3-м округе, где отстраненный от выборов А. Соловьев (бывший председатель правления общественной организации «Открытая Россия») призвал участников «умного голосования» поддержать кандидатуру своего практически полного тезки А. Соловьева, выдвинутого партией Справедливая Россия. Последний характеризовался Навальным как «технический кандидат — спойлер», поскольку не вел агитационной кампании в свою пользу и даже встреч с избирателями не проводил. Однако это не помешало Соловьеву набрать 36,5 процента голосов и занять первое место в своем округе. Вторая позиция осталась за С. Цветковой (председателем общественной организации «Центр добрых дел»), чья общественно-благотворительная деятельность широко освещается в информационных ресурсах регионального и федерального уровней. Сам Навальный объяснил свое решение назначить Соловьева «кандидатом от умного голосования» банальным желанием пошутить (то есть причины носили сугубо иррациональный характер). Вероятно, «прецедент 3-го округа» будет использован несистемной оппозицией как наглядное подтверждение результативности ее электоральной стратегии. Тем не менее, неожиданная для многих победа Соловьева могла явиться следствием целого комплекса факторов, наиболее существенным из которых является низкий уровень конкурентоспособности его соперников.

Если вышеописанный эпизод с определенной долей условности можно интерпретировать как косвенное свидетельство эффективности «умного голосования», то результаты выборов в 30-м округе г. Москвы говорят строго об обратном. Данный округ стал единственным, где поддержанный «Фондом борьбы с коррупцией» кандидат (в данном случае представитель КПРФ В. Жуковский), по итогам голосования занял место ниже второго. Согласно данным предвыборных социологических опросов, наиболее популярным представителем оппозиции в округе № 30 изначально был самовыдвиженец Р. Юнеман (что, собственно, и подтвердили результаты голосования). Тем не менее Навальный проигнорировал данное обстоятельство и сделал ставку на Жуковского, с которым уже сотрудничал в прошлом. Как следствие, голоса оппозиционного электората разделились между Юнеманом и Жуковским практически равномерно: первый получил 29,2 процента, а второй — 25,5. На этом фоне с результатом 29,46 процента победу одержала М. Русецкая (член регионального политсовета партии «Единая Россия»).

Анализируя пример 30-го округа, можно сделать ряд умозаключений. Во-первых, организаторы «умного голосования» не застрахованы от ошибок при выборе приоритетных, с их точки зрения, кандидатов. Во-вторых, вероятность подобных ошибок существенно возрастает, когда данный выбор осуществляется на основе личных симпатий координатора проекта к тем или

иным оппозиционным политикам. В-третьих, выдвижение двух сильных кандидатов от оппозиции в одном и том же округе обращает эффект «умного голосования» в пользу «кандидата от власти». Соответственно, интенсификация внутрикорпоративной конкуренции в стане системной и несистемной оппозиции может поставить крест на применении данной технологии.

Реальная степень влияния «умного голосования» на результаты выборов крайне сложно поддается оценке. Осознавая данное обстоятельство, автор идеи старается убедить обывателя, не обладающего навыками электорального анализа, в «невероятной успешности» данной технологии. При этом для воздействия на аудиторию им нередко используются такие приемы, как манипулирование статистическими данными, некорректные сравнения и даже откровенные инсинуации. Так, по версии разработчиков проекта, на последних выборах в Московскую городскую думу «умное голосование» в среднем давало его кандидату прибавку в 19 процентов голосов. Они утверждают, что, по сравнению с результатами выборов в Мосгордуму 2014 года, уровень электоральной поддержки «кандидатов-единороссов» сократился с 47 процентов до 36, а вот кандидаты от «умного голосования» получили в среднем на 17 процентов голосов больше, чем наиболее успешные представители оппозиции пятью годами ранее⁵. Разумеется, подобный результат он связывает исключительно с эффектом «умного голосования» (то есть приписывает данную заслугу себе и «Фонду борьбы с коррупцией»). Однако приведенные выше цифры и формулировки следует подвергнуть более глубокому и объективному анализу.

Во-первых, не вполне понятно, каким образом удалось установить, что «умное голосование» способно добавить кандидату от оппозиции именно 19 процентов голосов избирателей. Поскольку оппозиционные деятели не приводят никаких аргументов, позволяющих подтвердить или опровергнуть справедливость данного утверждения, мы будем вынуждены считать его произвольным или гипотетическим. Во-вторых, сама формулировка «кандидат-единоросс» интерпретируется сторонниками «умного голосования» не вполне корректно. С объективной точки зрения, к соответствующей категории следует отнести кандидатов, выдвинутых на выборы от партии «Единая Россия», либо публично поддержанных ею. В 2014 году данная партия делегировала на выборы в столичный парламент 32 кандидата, из которых до процедуры голосования дошли 28. Впоследствии все 28 человек из списка «Единой России» одержали победы в своих округах со средним результатом 45,11 процента (вовсе не 47%, как утверждает Навальный). В 2019 году «Единая Россия» не выступала субъектом выдвижения кандидатов в депутаты Московской городской думы. Тем не менее, авторы «умного голосования» взяли на себя право самостоятельно определять, кто является «кандидатом-единороссом», а кто нет. К числу последних Навальный отнес

⁵ Формулировки и данные взяты из официального аккаунта А. Навального в социальной сети Instagram.

всех самовыдвиженцев, которые с его точки зрения, ассоциируются с «партией власти» и администрацией г. Москвы. Средний уровень поддержки подобных кандидатов на выборах 2019 году составил 35,7 процента. Однако отождествлять данный показатель с результатом выступления «Единой России» на выборах в Мосгордуму нельзя.

Для проведения корректных аналогий между электральной кампаниями 2019 и 2014 годов мы будем учитывать результаты лишь тех 19 кандидатов, которые изначально позиционировали себя как члены «Единой России» и по завершении выборов сформировали фракцию данной партии в Московской городской думе 7-го созыва. В среднем каждый из таких кандидатов в 2019 году получил 37,15 процента голосов. Принимая во внимание данный показатель, можно с точностью утверждать, что представители политической партии «Единая Россия» в 2019 году получили на 7,96 процента голосов меньше, чем пятью годами ранее (оппозиционеры завывают эту цифру до 11%).

Оценить результаты выступления наиболее успешных кандидатов от оппозиции на выборах в столичный парламент 2014 года чрезвычайно сложно, ввиду многообразия подходов к их идентификации. Очевидно, что к данной категории не могут быть отнесены кандидаты-самовыдвиженцы, впоследствии сформировавшие объединение «Моя Москва», поскольку сами они никогда не противопоставляли себя региональной и федеральной элите. Более того, при голосовании по наиболее существенным законопроектам в Московской городской думе предыдущего созыва члены фракции политической партии «Единая Россия» и представители депутатского объединения «Моя Москва», как правило, солидаризировались. Соответственно, при анализе статистических данных мы будем учитывать показатели 7 победивших кандидатов от системной оппозиции (5 — КППРФ, 1 — ЛДПР, 1 — Партия «Родина»), а также 38 кандидатов, занявших вторые места в тех округах, где победу одержали представители «Единой России» и самовыдвиженцы, вошедшие затем в объединение «Моя Москва». Средний результат соответствующих кандидатов на выборах в Мосгордуму 6-го созыва составил 22,4 процента (при проведении собственных расчетов оппозиция занижает эту цифру на 1,4%). В свою очередь, так называемые «кандидаты от умного голосования» в 2019 года получили в среднем по 38 процентов голосов. Однако является ли этот факт неопровержимым доказательством эффективности данного проекта?

Основополагающий принцип «умного голосования» заключается в том, чтобы консолидировать протестный электорат вокруг наиболее перспективных и потенциально успешных лидеров оппозиции. По логике, им должны были отойти голоса, которые обычно рассеиваются между слабыми оппозиционными политиками и «техническими кандидатами». С высокой долей вероятности можно предположить, что «умное голосование» не могло заставить лояльный к власти электорат радикально изменить свои предпочтения и поддержать кандидатов, ассоциирующихся с Навальным.

К рекомендациям указанного политика могли прислушаться лишь те граждане, которые изначально были настроены на протестное электоральное поведение. Таким образом, если «умное голосование» действительно работает, то поддержанные им претенденты на депутатские посты должны были «перетянуть» на себя голоса кандидатов, занявших 3-е и последующие места в своих округах.

На выборах 2014 года их средний суммарный результат составил 30,67 процента, а в 2019 году — 25,98 процента. Разницу между этими показателями, составляющую 4,69 процента, можно считать *эффектом «умного голосования»* (вовсе не 19 процентов, как утверждает Навальный). С учетом того, что уровень явки на выборах 2014 и 2019 годов остался практически неизменным, успех «кандидатов от умного голосования» стал более внушительным на фоне слабого выступления самовыдвиженцев, которым приписывается аффилиация с «партией власти».

Полагаем, что причины интенсификации протестного голосования на выборах в Московскую городскую думу 7-го созыва носят не столько социально-экономический, сколько политический характер. Аналогичные электоральные кампании прошлых лет никогда не сопровождались существенным информационным резонансом. Конкуренция в рамках избирательных округов сводилась к обсуждению сугубо утилитарных вопросов, связанных с благоустройством городской среды. Выборы депутатов Мосгордумы 2019 года с момента их объявления целенаправленно идеологизировались и политизировались несистемной оппозицией. Локальные административно-хозяйственные проблемы были вытеснены из электоральной повестки дискуссиями о доверии к органам исполнительной власти, избирательным комиссиям, силовым структурам. Вероятно, подобный информационный фон благоприятствовал успехам оппозиционных кандидатов. Кроме того, против ряда депутатов Московской городской думы 6-го созыва, принявших решение баллотироваться на очередной срок, была развернута масштабная кампания в Интернете. Обвинительная тональность предвыборного дискурса оппозиции поставила самовыдвиженцев, ассоциирующихся с мэрией, в положение защищающейся стороны.

Несанкционированные акции протеста, организованные в центре столицы, способствовали эскалации общественно-политической напряженности, которая достигла своего апогея на финальном отрезке предвыборной кампании. На московской площадке столкнулись политические силы, не скрывающие своих федеральных амбиций. Исход противостояния между ними преподносился как судьбоносный выбор для всей страны. Оппозиционные политики продемонстрировали высокий уровень корпоративной солидарности и готовность к совместному коллективному действию, тогда как условные «кандидаты от власти» вели кампанию разобщенно и не всегда энергично. Некоторые из них так и не смогли создать у своего лояльного избирателя должную мотивацию для того, чтобы тот пришел на выборы.

Тем не менее, результаты региональных электоральных кампаний, завершившихся в Единый день голосования 8 сентября 2019 года, свидетельствуют о низкой эффективности «умного голосования» как политической технологии. Его влияние на исход выборов в масштабах России оказалось ничтожным, а в Москве оно добавило в «копилку» оппозиционных кандидатов около 4,69 процента голосов. Ослабление позиций политической партии «Единая Россия» в столичном парламенте обусловлено не столько «умным голосованием» избирателей, сколько интенсивностью информационно-пропагандистской кампании по дискредитации региональной элиты, а также низким уровнем конкурентоспособности проигравших кандидатов-самовыдвиженцев.

Парадоксальность данной ситуации заключается в том, что успехи представителей системной оппозиции на выборах в Москве и ряде других регионов Российской Федерации А. Навальный всецело приписывает себе. Не обладая на данный момент пассивным избирательным правом, он, вероятно, притязает на роль некоего «электорального демиурга», который по своему усмотрению наделяет представителей оппозиции привилегированным статусом «кандидатов от умного голосования», тем самым многократно увеличивая их шансы на победу. Чем более внушительными кажутся успехи данного проекта, тем выше авторитет его автора. Соответственно, для оппозиции «умное голосование» является ценным политическим активом, который при необходимости может быть конвертирован в материальные и властные ресурсы. Совокупность эмпирических наблюдений позволяет утверждать, что информационный резонанс, возникший по поводу недопуска ряда оппозиционных кандидатов до выборов в Мосгордуму, был использован «Фондом борьбы с коррупцией» в целях популяризации проекта «умное голосование». Более того, можно сделать небезосновательное предположение о том, кто именно стал главным выгодоприобретателем в случае с московскими электоральными протестами лета 2019 года. По завершении выборов у многих представителей оппозиции, журналистов и рядовых избирателей сложилось гипертрофированное представление о роли «умного голосования» в политической жизни России. Данная технология была преподнесена едва ли не как самый действенный способ ведения политической борьбы (вероятно, этого и добивались создатели проекта). Однако при детальном рассмотрении этот «электоральный миф» не выдерживает критики.

С точки зрения организаторов «умного голосования», их главным достижением является попадание в Московскую городскую думу 7-го созыва 20-и оппозиционных кандидатов, 13 из которых представляют КПРФ, 3 — партию «Справедливая Россия», 4 — «Яблоко». Однако возникают серьезные сомнения в том, что подобный исход выборов существенным образом изменит расклад сил в столичном парламенте. Во-первых, вышеупомянутые политические партии занимают разные идеологические позиции, и даже ситуативный альянс между ними представляется маловероятным.

Во-вторых, формальная принадлежность депутата к оппозиционной партии не является гарантией того, что он или его фракция будут блокировать все законодательные инициативы, исходящие от власти.

Подобная ситуация уже имела место на федеральном уровне, когда на выборах в Государственную Думу 6-го созыва 212 из 450 мандатов получили представители КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Однако это не помешало Нижней палате Федерального Собрания Российской Федерации утвердить в 2012 году кандидатуру председателя партии «Единая Россия» Д.А. Медведева на пост главы Правительства России («за» проголосовали 299 депутатов). Аналогичным образом 28 из 45 депутатов Московской городской думы 7-го созыва поддержали выдвижение представителя «Единой России» А.В. Шапошникова на пост председателя столичного парламента, который он уже занимал ранее. Более того, данную кандидатуру внесли на рассмотрение трое бывших кандидатов от «умного голосования» (М.И. Яндиев, Н.Н. Губенко и А.С. Соловьев).

Заметим также, что все 20 представителей оппозиции, оказавшиеся в Московской городской думе 7-го созыва, аффилированы с крупными политическими партиями, две из которых имеют статус парламентских на федеральном уровне. Нет никаких оснований полагать, что они будут чувствовать себя обязанными оппозиции своими электоральными успехами и сотрудничать с ней в дальнейшем. Скорее напротив, в своей публичной риторике они постараются нивелировать роль «умного голосования» в их политической биографии.

Подводя итоги исследования, сделаем ряд выводов и прогнозов. Имеются все основания утверждать, что «умное голосование» не сыграло заметной роли в ходе региональных электоральных кампаний 2019 года. Максимальный эффект от применения данной технологии (в среднем 4,69%) был достигнут на выборах в Московскую городскую думу 7-го созыва, однако фактор «умного голосования» некорректно считать главной причиной попадания 20-и оппозиционных кандидатов в столичный парламент. Утверждая обратное, оппозиция неоправданно приуменьшает мобилизационные возможности представителей системной оппозиции и дискредитирует масштабную агитационную работу, проделанную ими в преддверии Единого дня голосования. Возникают серьезные сомнения в том, что «умное голосование» смогло бы возыметь хоть какой-то эффект без искусственного нагнетания политической напряженности и создания негативного информационного ореола вокруг выборов. Осознавая данное обстоятельство, представители власти постараются не допустить возникновения электоральных конфликтов, аналогичных московским, при проведении выборов регионального и федерального уровней.

Если у технологии «умного голосования» и есть какие-то перспективы в современной России, то «Фонд борьбы с коррупцией» уже точно не сможет сохранить за собой статус его координационного центра. В октябре 2019 года Министерство юстиции признало данную организацию «инос-

транным агентом», ввиду получения ею зарубежного финансирования. Спустя четыре месяца Московский городской суд подтвердил правомерность данного решения. Соответственно, ФБК лишился права оказывать влияние на электоральные процессы (в том числе посредством выдвижения или публичной поддержки кандидатов). Аналогичным образом «Левада-центр», имеющий статус «иностранный агент», не может публиковать результаты предвыборных опросов в период проведения избирательных кампаний. С формальной точки зрения, наличие у политического деятеля поддержки со стороны организации, финансируемой из-за рубежа, является основанием для его отстранения от выборов. Дабы исключить подобный сценарий развития событий в отношении так называемых «кандидатов от умного голосования», А.А. Навальный в июле 2020 года принял решение ликвидировать ФБК как юридическое лицо и открыть новую структуру с аналогичными функциями. При этом не исключено, что в определенный момент возникнут обстоятельства, которые позволят, согласно действующему законодательству, признать вновь созданную организацию или ее учредителя иностранным агентом. Соответственно, помощь со стороны А.А. Навального может обернуться для кандидатов «медвежьей услугой». Так или иначе, несмотря на концептуальное несовершенство и правовую уязвимость проекта «умное голосование», он будет и дальше использоваться несистемной оппозицией, ввиду отсутствия какой-либо альтернативной электоральной стратегии. При этом следует осознавать, что в долгосрочной перспективе влияние современных информационно-коммуникационных технологий на протестное электоральное поведение граждан, вероятно, возрастет.

Список литературы

1. Гудков И.В. Особенности электорального поведения при формировании региональных представительных органов власти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2009. № 2. С. 49–67.
2. Аль-Дайни М.А. Электоральный протест: теоретические проблемы и возможности региональных исследований // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 269–280.
3. Kselman D., Niou E. Protest voting in plurality elections: a theory of voter signaling // Public Choice. 2011. Vol. 148. No. 3/4. P. 395–418.
4. Ежов Д.А. Тенденции трансформации электоральных предпочтений в западных демократиях // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 308–310.
5. Ежов Д.А. Европейский пазл: новая электоральная реальность в условиях системного кризиса // Власть. 2018. Т. 26. № 2. С. 34–37.
6. M. Alvarez R., R. Kiewiet D., Nunez L. A Taxonomy of Protest Voting // Annual Review of Political Science. 2018. Vol. 21. P. 153–154. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050517-120425>.
7. Birsh S., Dennison J. How protest voters choose // Party Politics. 2017. Vol. 25. Issue 2. P. 110–125. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068817698857>.